

УДК 347.113

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-259-269

КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ ОБЩИМИ И СПЕЦИАЛЬНЫМИ СОВМЕСТИМЫМИ ПРАВОВЫМИ НОРМАМИ, РЕГУЛИРУЮЩИМИ ОТНОШЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА

Плиева Н. Г.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

В статье излагаются результаты проведенного исследования проблемы соотношения общей и специальных правовых норм института обязательств вследствие причинения вреда. Автором предпринята попытка показать возможность использования методологических инструментов для разрешения коллизий между общей правовой нормой, установленной п.1 ст. 1064 ГК РФ, предусматривающей возмещение причиненного вреда в полном объеме, и специальными по отношению к этой правовой норме правовыми нормами. По результатам проведенного анализа предложен способ разрешения коллизии, существующей между общей правовой нормой, установленной ст. 1064 ГК, с одной стороны, и специальными правовыми нормами, установленными ст. 1085 и 1087 ГК, с другой, – в пользу общей правовой нормы, предусматривающей полное возмещение вреда. Таким же образом предлагается разрешить коллизии между указанной общей правовой нормой и специальными правовыми нормами, текстуально закрепленными в ст.1084 и 1094 ГК. Теоретические выводы автор подтверждает анализом судебных решений по соответствующим категориям споров.

Ключевые слова: возмещение вреда, коллизии, правотолкование, правоприменение, общие правовые нормы, специальные правовые нормы, совместимые правовые нормы, несовместимые правовые нормы.

Эффективное функционирование института возмещения вреда является одной из гарантий успешного развития имущественных правовых отношений в обществе. Однако при применении норм законодательства, регулирующих отношения по поводу возмещения вреда, довольно часто юристы сталкиваются с проблемой коллизий между общей правовой нормой, установленной в п. 1 ст. 1064 ГК и предусматривающей полное возмещение вреда, и специальными совместимыми с ней правовыми нормами. Анализ правовых норм этого института обычно осуществляется без применения методологических инструментов правотолкования. Дореволюционный российский цивилист Е.В. Васильковский обратил внимание на то, что толкование норм не может останавливаться на определении прямого, непосредственного смысла норм, а должно обнаруживать еще и скрытое их содержание [1, с. 26]. Но для этого необходимо использовать методологические инструменты, к которым в науке выработалось пренебрежительное отношение. Так, еще классики мировой юриспруденции немецкие ученые-юристы Ф.К. фон Савиньи и его последователь Г.Ф. Пухта предлагали юристам-профессионалам при правотолковании положиться либо на замечательные образцы старого и нового времени [2, с. 389-390], либо на «здравый юридический такт и разум» [цит. по: 1, с. 57]. Несмотря на то, что указанные рекомендации были даны еще в середине XIX века, правоприменительная практика и юридическая наука следуют им спустя почти два столетия и по сей день. Перспектива использования при правотолковании и правоприменении методологического

инструментария отделяется тем, что соответствующие знания, умения и навыки не приобретаются в процессе обучения. А иногда даже прямо предлагается не осваивать методологический инструментарий правотолкования и правоприменения, а прививать «правоприменителю способность по интуитивному обнаружению незримой границы между внешне схожими общей и специальной правовыми нормами» [3, с. 90].

С учетом изложенного, следует признать, что тема настоящей статьи является актуальной.

Проблема, являющаяся предметом исследования в настоящей статье, в науке гражданского права никогда не исследовалась. Но ее исследование было подготовлено научными трудами М.М. Агаркова, Б.С. Антимонина, А.М. Беляковой, К.М. Варшавского, Н.С. Малейна, В.Т. Смирнова, А.А. Собчака, Е.А. Флейшица, К.К. Яичкова и других ученых.

Целью настоящей статьи является попытка показать возможность использования методологических инструментов для разрешения коллизий между общей правовой нормой, установленной п. 1 ст. 1064 ГК РФ, предусматривающей общие основания возникновения обязательств вследствие причинения вреда и возмещение причиненного вреда в полном объеме, и специальными по отношению к этой правовой норме правовыми нормами. При этом указанный инструментарий, как предполагается, может быть использован и в других подобных случаях.

В юридической литературе коллизии норм права чаще всего рассматриваются как противоречие между действующими нормами права, регулирующими одни и те же общественные отношения. По мнению Н.А. Власенко, коллизии норм – это отношения между нормами, выступающие в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения [4, с. 23]. Из изложенного следует, что коллизии норм права могут проявляться в двух формах – как различия и как противоречия. Это утверждение в определенной части является плодотворным, поскольку нацеливает на выявление содержания коллизии между правовыми нормами. Вместе с тем, указывая только на различия, автор не показывает весь спектр содержания коллизий между правовыми нормами. Полагаем, что прежде всего коллизии между правовыми нормами следует разделить на несовместимые и совместимые. Несовместимость правовых норм имеет место тогда, когда, находясь в пределах логики человеческого мышления, нельзя применить обе правовые нормы одновременно: применение одной правовой нормы логически исключает применение другой. Несовместимыми являются правовые нормы, содержание которых противоположно. Так, граждане могут осуществлять гражданские права по своему усмотрению (п. 1 ст. 9 ГК). Но они не могут осуществлять гражданские права исключительно с намерением причинить вред другому лицу (п. 1 ст. 10 ГК). Несовместимость может быть и в форме такого противоречия, когда нет противоположности между содержанием правовых норм, но применять одновременно соответствующие правовые нормы логически невозможно. Так, в соответствии с положением абзаца пятого п. 1 ст. 64 ГК при ликвидации юридического лица в четвертую очередь производятся расчеты с кредиторами, не указанными в предыдущих абзацах этого пункта. Абзац седьмой этого же пункта предписывает требования о возмещении убытков и об уплате неустойки удовлетворять после удовлетворения требований первой-четвертой очереди. Это исключает удовлетворение требований о возмещении убытков и уплате не-

устойки в четвертую очередь. Противоположности между содержанием правовых норм, текстуально закрепленных в абзацах пятом и седьмом п. 1 ст. 64 ГК нет, а несовместимость этих двух правовых норм имеет место: требования о возмещении убытков и уплате неустойки в четвертую очередь не могут быть удовлетворены.

Но А.Ф. Черданцев обратил внимание на такую связь общей и специальной правовых норм, когда общая норма применяется вместе со специальной [5, с. 70-71]. Такие общие и специальные нормы следует считать совместимыми.

С проблемой коллизии между совместимыми общей и специальной правовой нормой столкнулся Конституционный Суд при рассмотрении дела о проверке конституционности п. 3 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Э.М. Ворона (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 25-П). В этом Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «пункт 1 статьи 1085 ГК Российской Федерации ни сам по себе, ни в системной связи с иными положениями гражданского законодательства не содержит каких-либо исключений из общего правила о полноте возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья», что установленная этим пунктом правовая норма «сама по себе направлена на защиту интересов гражданина, здоровью которого был причинен вред» (абзац второй п. 3.2. мотивировочной части Постановления от 25 июня 2019 г. № 25-П). В абзаце втором п. 4.1. мотивировочной части того же Постановления указывается на то, что и положения п. 1 ст. 1087 ГК РФ, «находясь в общей системе конституционно-правового и гражданско-правового регулирования, не могут рассматриваться как исключаящее действие общих правил и принципов деликтных обязательств и применяться вопреки их целевой направленности».

Из анализа фрагмента данного судебного акта следует, что специальная правовая норма не может применяться вопреки не только общим правилам и принципам, но даже и вопреки их целевой направленности. Эта ссылка на целевую направленность вызывает интерес по той причине, что в научной литературе предпринимаются настойчивые попытки поставить выявляемые самими учеными объективные цели правовых норм (то есть целесообразные законодательные решения) выше самих правовых норм и, соответственно, – толковать последние то ограничительно, то расширительно (см., например, 5, с. 20, 29, 744-745). Представляется, что телеологическое толкование в условиях правовой системы России должно быть выявлением только тех целей правового регулирования, которые можно обнаружить в самом позитивном праве, а не поиском за пределами закона целесообразных вариантов правового регулирования. И применяться телеологическое толкование должно только в тех случаях, когда без этого выяснить содержание соответствующего положения акта законодательства невозможно. Более широкое применение телеологического толкования и его результатов может прийти в противоречие с логикой системы гражданского законодательства.

Вывод же о возможности неприменения специальной правовой нормы вопреки целевой направленности «общих правил и принципов» тем более не может быть признан соответствующим логике законодательства: специальные правовые нормы устанавливают особенности правового регулирования отдельных видов отношений, и если их не применять вопреки целевой направленности общих правовых норм, то они (специальные правовые нормы) и вообще становятся излишними. И хотя анали-

зируемые здесь выводы сформулированы самой авторитетной судебной инстанцией, они вряд ли могут быть признаны приемлемыми методологическими инструментами, которые должны использоваться в науке и практике правоприменения.

Оказывается, однако, что применение п. 1 ст. 1087 ГК РФ не только вопреки целевой направленности общих правил и принципов, но и вопреки содержанию этих правил и принципов и вообще является невозможным, поскольку «действующее правовое регулирование применительно к возмещению вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья... несовершеннолетнего (это регулирование осуществляется прежде всего упомянутой выше статьей 1087 ГК. – Н.П.), каких-либо исключений из принципа полного возмещения вреда не содержит, и, соответственно, возмещению в таком случае – в силу общего правила – подлежат все расходы, которые потерпевший произвел (должен произвести) ...» (абзац третий п. 4.1. Постановления Конституционного Суда от 25 июня 2019 г. № 25-П). И с такой интерпретацией п.1 ст. 1087 ГК следует полностью согласиться: виды расходов, вызванных повреждением здоровья, в том числе несовершеннолетнего, определяются в п. 1 ст. 1085 ГК не исчерпывающе. Этот пункт перечисляет не все виды подлежащих возмещению расходов, поскольку в нем содержится формулировка «расходы...в том числе...». Следовательно, возможно возмещение и других расходов. И таким образом, п. 1 ст. 1085 ГК приводится в полное соответствие с п. 1 ст. 1064 ГК, устанавливающим правило о полном возмещении вреда.

Но Конституционный Суд Российской Федерации принимает решения по рассматриваемым им делам, оценивая «как буквальный смысл рассматриваемого акта (в данном случае - ст. 1085 и 1087 ГК. – Н.П.), так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой» (часть вторая ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В данном случае правоприменительная практика судов Российской Федерации п.1 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК толкует единообразно: считается, что размеры возмещения «дополнительных расходов» определены Временным порядком взаимодействия субъектов и участников системы обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний по вопросам медико-социальной экспертизы, медицинской, социальной и профессиональной реабилитации застрахованного и оплаты дополнительных расходов на ее проведение (утвержден Министерством труда и социального развития Российской Федерации 19 апреля 2000 года № 2726-ао, Министерством здравоохранения Российской Федерации 18 апреля 2000 года № 2510/4245-23, Фондом социального страхования Российской Федерации 18 апреля 2000 года № 02-08/10-943п).

О том, что судебная практика признает возможность применения именно этого Временного порядка для целей определения размера возмещения рассматриваемых расходов (дополнительных расходов) свидетельствует то обстоятельство, что и решение общего суда, которое упоминается в Постановлении Конституционного Суда от 25 июня 2019 № 25-П, обосновано ссылкой на упомянутый выше Временный порядок.

Поэтому Конституционный Суд при разрешении вопроса о соответствии Конституции п. 1 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК должен был учесть и эту конкретизацию (официальную интерпретацию) указанных законодательных положений, которая

дана в названном Временном порядке, и ту судебную практику, которая сложилась. Но если учесть эту конкретизацию (официальную интерпретацию) и судебную практику, то выйдет, что п. 1 ст. 1085 ГК и п. 1 ст. 1087 ГК противоречат п. 1 ст. 1064 ГК, предусматривающей полное возмещение вреда. И тогда для утверждения о том, что «действующее правовое регулирование применительно к возмещению вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья такого несовершеннолетнего, каких-либо исключений из принципа полного возмещения вреда не содержит...» (абзац третий п. 4.1 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда от 25 июня 2019 г. № 25-П), оснований уже не будет. Такие основания появились бы только при условии, если бы Конституционный Суд сделал выводы о том, что сложившаяся судебная практика не соответствует закону, а поэтому должна быть приведена в соответствие с законом, и что упомянутый Временный порядок распространяется только на отношения по поводу обязательного социального страхования, указав, что он не распространяется на отношения по поводу возмещения вреда в гражданско-правовых формах. Но Конституционный Суд такой вывод не делает. Поэтому следует понимать, что коллизия между ст. 1085 и 1087 ГК (с учётом их официальной конкретизации и интерпретации, а также с учетом судебной практики) все-таки имеется. Разрешается эта коллизия в пользу общей правовой нормы, текстуально закреплённой в п.1 ст.1064 ГК, предусматривающей полное возмещение вреда. Но такой вывод нуждается больше в технико-юридическом обосновании, чем в привычном для российской юриспруденции политико-правовом. Хорошо было, конечно, следовать рекомендациям А.В. Малышкина о том, что суд не должен механически применять юридическую норму, а должен понимать ее социальное содержание, чувствовать ее цивилизационную и мировоззренческую ценность, видеть взаимосвязь с иными регуляторами общественных отношений, уметь применять эти регуляторы ко всему многообразию рассматриваемых судами отношений [7, с. 7]. Но ведь прежде всего следует использовать внутренний потенциал права, который раскрывается путем использования технико-юридического инструментария.

Даже с учетом официальной конкретизации и сложившейся практики применения ст. 1085 ГК и ст. 1087 ГК, устанавливающие специальные правовые нормы, должны быть признаны совместимыми с п. 1 ст. 1064 ГК, в котором текстуально закрепляется общая правовая норма. Совместимость этих правовых норм означает, что ст. 1085 и 1087 ГК не могут исключить в сфере своего действия применение общей правовой нормы, которая предусматривает полное возмещение вреда. Такая аргументация приводит Постановление Конституционного Суда, которое выше анализировалось, в полное соответствие со ст. 1064, 1085, 1087 ГК. Но использование такого инструментария в судебной практике, да и в научной литературе, не принято.

Такой же методологический инструментарий следует использовать и в других случаях, когда обнаруживается коллизия между общей правовой нормой, которая закреплена в п. 1 ст. 1064 ГК, и специальными правовыми нормами.

Так, в соответствии с частью первой ст. 1094 ГК «лица, ответственные за вред, вызванный смертью потерпевшего, обязаны возместить необходимые расходы на погребение лицу, понесшему эти расходы». Ст. 3 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» погребение определено как обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в со-

ответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям. В данном случае знание обычаев и традиций необходимо для определения объема ритуальных действий, в том числе и действий по приобретению определённых предметов в связи с погребением. Сопоставление осуществлённых мероприятий по захоронению тела с традициями населения является определяющим для определения размера возмещения вреда, установленного ст. 1094 ГК.

Московский городской суд в апелляционном определении от 22 мая 2014 г. № 33-16534/14 при толковании части первой ст. 1094 ГК пришел к выводу о том, что проведение поминальных обедов на девятый и сороковой день, в том числе приобретение для этого спиртных напитков, «выходит за пределы обрядовых действий по непосредственному захоронению тела».

Суды первой и апелляционной инстанций также отказали в удовлетворении исковых требований о взыскании расходов на поминальные обеды по тем основаниям, что поминальные обеды не относятся к расходам на достойные похороны, которые могли бы быть взысканы с наследников. Отменяя апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам и возвращая дело на новое рассмотрение, Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 26.08.2020 по делу № 88-7965/2020 указал, что в статье 1194 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится понятие «достойные похороны» с учетом необходимости обеспечения достойного отношения к телу умершего. Пунктом 6.1 Рекомендаций о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации, рекомендованных Протоколом НТС Госстроя Российской Федерации от 25 декабря 2001 года № 01-НС-22/1, предусмотрено, что в соответствии с Федеральным законом "О погребении и похоронном деле" обряды похорон определяются как погребение. В церемонию похорон входят, как правило, обряды: омовения и подготовки к похоронам, а также поминовения. Нормативно-правовыми актами не регламентировано осуществление поминального обеда в день похорон как обязательной церемонии в связи со смертью усопшего. Однако из упомянутых выше Рекомендаций и сложившихся традиций, церемония поминального обеда общепринята, соответствует традициям населения Российской Федерации, является одной из форм сохранения памяти об умершем и неотъемлемой частью осуществления достойных похорон умершего.

Президиум Алтайского краевого суда в постановлении от 22 января 2013 г. № 44-Г-1/2013 указал на неправильность позиции апелляционного суда, который отказал в возмещении расходов на изготовление и установку памятника (очевидно, постольку, поскольку изготовление и установка памятника не охватывается понятием обрядовых действий по непосредственному захоронению тела). В постановлении президиума указано, что расходы на погребение не ограничиваются расходами, понесенными в день похорон, а потому к расходам на погребение относятся и расходы на изготовление и установку памятника.

К аналогичному выводу пришла судебная коллегия по гражданским делам Нижегородского областного суда в апелляционном определении от 9 апреля 2020 года по делу № 33-3123/2020 оставляя без изменений решение суда первой инстанции, которым с ответчика были взысканы расходы на установку памятника. Судебная коллегия указала, что расходы на установку памятника являются необходимыми, т.к. относятся к месту погребения и является надгробным сооружением для увековечения памяти умершего. Довод жалобы о том, что расходы на изготовление, доставку

и установку надгробного памятника не являются в силу ст. 1094 ГК РФ необходимыми расходами нельзя признать правомерным, поскольку расходы на изготовление, доставку и установку памятника не выходят за пределы обрядовых действий по непосредственному погребению, в связи с чем являются необходимыми для достойных похорон сына истца и разумными, доказательств их чрезмерности не представлено, установка памятника вместо временного креста соответствует национальным и местным обычаям и традициям, следовательно, достойное отношение к памяти умершего в форме установки данного памятника отвечает критериям необходимости и соразмерности.

Представляется, судами не всегда учитывается системная связь части первой ст. 1094 ГК с п. 1 ст. 1064 ГК. Суть проблемы заключается в том, что в части первой ст. 1094 ГК текстуально закреплена правовая норма, которая является специальной по отношению к правовой норме, которая текстуально закреплена в п. 1 ст. 1064 ГК и устанавливает право потерпевшего на возмещение вреда в полном объеме. Обратим внимание на приведенную выше формулировку «правовые нормы, которые закреплены текстуально». Они существенны для разрешения коллизий в праве, но не используются при разрешении коллизий ни учеными-юристами, ни субъектами правоприменения. Лишь в одном издании не только используются эти слова, но и показывается их методологическое значение [8, с.179-202]. Положения из этого издания используются в настоящей статье здесь и в дальнейшем.

Правовые нормы, текстуально закрепленные в части первой ст. 1094 ГК и в п. 1 ст. 1064 ГК, соотносятся как специальная и общая. Этот вывод основан на том, что часть первая ст. 1094 ГК регулирует вид отношений, возникающих вследствие причинения вреда, а п. 1 ст. 1064 ГК – род отношений. Иными словами, сфера действия правовой нормы, текстуально закрепленной в части первой ст. 1094 ГК, является частью сферы действия правовой нормы, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК, и не выходит за пределы сферы действия этой правовой нормы. Однако соотношение рассматриваемых правовых норм как специальной и общей не дает основания для разрешения коллизий между этими правовыми нормами по правилу «*lex specialis derogat generali*», поскольку диспозиции этих правовых норм являются совместимыми. Общая правовая норма, текстуально закрепленная в п. 1 ст. 1064 ГК, предусматривает возмещение вреда в полном объеме. И этого общего правила вполне было бы достаточно, в том числе и для регулирования отношений по поводу возмещения расходов на погребение. Но законодатель счел необходимым отношения, однажды урегулированные общей правовой нормой, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК, урегулировать повторно, то есть однажды предоставленное потерпевшему общей правовой нормой право законодатель решил предоставить ему еще один раз – специальной правовой нормой.

Видимо, законодателем было принято такое решение с целью уточнения вопроса о том, кто же будет кредитором в обязательстве по возмещению расходов на погребение. Таковым часть первая ст. 1094 ГК определяет лицо, понесшее эти расходы. Но при определении этого лица не просто указали на это лицо, но также установили, что ему возмещаются «необходимые расходы». Но указание на «необходимые расходы» дает основание для вывода о том, что иные расходы на погребение не подлежат возмещению. Из этого и исходили соответствующие упомянутые выше

судебные инстанции, когда они не допускали возмещения расходов, которые не связаны с обрядовыми действиями «по непосредственному захоронению тела».

Этот последний вывод требует отдельного внимания. Это – вывод от противоположного (от обратного) или вывод а contrario. Он обычно при официальном и доктринальном толковании положений законодательства не игнорируется, а как бы учитывается в содержании текстуально закрепленных норм. В качестве примеров можно взять приведенные выше судебные решения: необходимые расходы возмещаются, а иные расходы (на поминальные обеды на девятый и сороковой день; на установку памятника) – не возмещаются. Между тем, следовало бы признать, что при помощи вывода а contrario обнаруживается не часть содержания соответствующей текстуально закреплённой правовой нормы, а правовая норма, которая логически закреплена в соответствующем положении акта законодательства (том же, в котором текстуально закреплена другая норма). Исследование, проведенное группой авторов, позволило им сделать и обосновать вывод о том, что правовые нормы, которые логически закреплены в актах законодательства и обнаруживаются при помощи вывода а contrario, по общему правилу, неспособны конкурировать с другими правовыми нормами при правоприменении. Они приобретают такую способность в случаях, когда в законодательных положениях, в которых логически закрепляются такие нормы, используются слова «лишь», «только», «исключительно», «не иначе как». Эти слова придают нормативному тексту признак категоричности. Но вместе с тем, они несколько огрубляют текст, лишают его признака изящной словесности, делают менее гибким [8, с. 338-348].

Если попробовать дополнить часть первую ст. 1094 ГК словом «только» (после слова «возместить» и перед словом «необходимые»). Тогда правовая норма, которая логически закреплена в части первой ст. 1094 ГК, обнаруживается при толковании при помощи вывода а contrario и в соответствии с которой другие расходы возмещению не подлежат, приобретет способность к конкуренции при правоприменении и безоговорочно исключит возможность применения к отношениям, регулируемым частью первой ст. 1094 ГК, пункта 1 ст. 1064 ГК, предусматривающего возмещение вреда в полном объеме. Пока же такого или другого подобного слова в части первой ст. 1094 ГК нет, ни текстуально закреплённая в этом законодательном положении специальная правовая норма (в силу ее совместимости с общей правовой нормой, текстуально закреплённой в п. 1 ст. 1064 ГК), ни логически закреплённая в части первой ст. 1094 ГК правовая норма (в силу ее неспособности к конкуренции при правоприменении) не могут исключить применение к отношениям, регулируемым частью первой ст. 1094 ГК, пункта 1 ст. 1064 ГК.

Поэтому возмещению подлежат все расходы, которые лицо понесло в связи с погребением и соблюдением соответствующих обрядов, круг которых (расходов) определяется в соответствии с обычаями. К таким расходам относятся и расходы на поминальные обеды, в том числе и на девятый и сороковой день (конечно, если речь идет о похоронах в христианской традиции; в других случаях в качестве эксперта разъяснение об обрядах можно получить у духовного лица соответствующей конфессии), и расходы на приобретение спиртного (в христианских и атеистических семьях похороны без этого никогда не обходятся), и расходы на изготовление и установку памятника, и другие необходимые расходы. Их размер должен определяться в соответствии с требованием добросовестности, закреплённым в п. 3 ст. 307

ГК, который распространяется на отношения по поводу возмещения вреда в силу п. 2 ст. 307.1 ГК, а также в соответствии с принципами справедливости и разумности (п. 2 ст. 6 ГК).

Исключительно остро стоит вопрос о толковании и применении ст. 1084 ГК, предусматривающей возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина «при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей». Перечисление в этом законодательном положении круга лиц, имеющих право на возмещение вреда, и круга случаев, когда причиняется вред, подлежащий возмещению, дает основание для вывода о том, что другие лица (граждане) права на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью не имеют. Не имеют такого права и лица, названные в ст. 1084 ГК, если только им вред причинен не при исполнении указанных в этой статье обязанностей. Это противоречит п.1 ст. 1064 ГК, которая устанавливает, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению, и не устанавливает каких-либо исключений из этого общего правила. Разрешение рассматриваемой коллизии возможно только на базе методологии, разработанной группой крымских авторов [8, с. 437-467].

Сначала следует констатировать, что сферы действия правовых норм, текстуально закрепленных в п. 1 ст. 1064 ГК и ст. 1084 ГК, соотносятся как часть и целое. Это является основанием для вывода о том, что в п. 1 ст. 1064 ГК устанавливается общая правовая норма, а в ст. 1084 ГК – специальная правовая норма. Эти две правовые нормы являются совместимыми. Поэтому для разрешения коллизии между ними не может быть использовано правило «*lex specialis derogat generali*». В данном случае специальная норма в сфере своего действия не исключает применения общей правовой нормы, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК. Следовательно, те лица, которые не названы в ст. 1084 ГК и не имеют права на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, в соответствии со ст. 1084 ГК имеют право на возмещение такого вреда в соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК.

Что касается правовой нормы, которая логически закреплена в ст. 1084 ГК, обнаруживается при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой лица, не указанные в этой статье, не имеют права на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, то такие правовые нормы, как доказывалось в упомянутом выше издании [4, с. 320-393], не способны к конкуренции и не могут исключить применение в сфере своего действия общей правовой нормы, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК. Следовательно, вред, причиненный жизни или здоровью гражданина, подлежит возмещению всегда при наличии оснований, предусмотренных ст. 1064 ГК, а не только лицам, указанным в ст. 1084 ГК, и в случаях, указанных в этой статье.

Поскольку здесь рассматривается соотношение ст. 1064 ГК и ст. 1084 ГК и устанавливаемых ими правовых норм, необходимо разрешить вопрос о значении вины причинителя вреда для возникновения обязательств вследствие причинения вреда на основании ст. 1084 ГК. Как отмечает В.С. Трофимов, правовая квалификация деятельности потенциального причинителя вреда во всех случаях требует изучения наличия и формы вины, а также иных признаков совершенного деяния, которые должны быть в обязательном порядке исследованы правоприменителем [9]. Вместе с тем, вина в ст. 1084 ГК вообще не упоминается. Это могло бы быть основанием для вывода о том, что возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражд-

данина производится независимо от вины. Это вывод был бы неправильным. Поскольку в ст. 1084 ГК вина вообще не упоминается, правильным будет утверждение о том, что это законодательное положение вопросы вины вообще не решает. А раз это - так, то при причинении вреда жизни или здоровью гражданина вместе со ст. 1084 ГК подлежит применению п. 2 ст. 1064 ГК, который вину признает условием возмещения вреда, кроме случаев, когда законом предусмотрено возмещение вреда независимо от вины причинителя вреда. П. 2 ст. 1064 ГК применяется к отношениям, регулируемым ст. 1084 ГК. Следовательно, в случаях, предусмотренных законом, вред на основании ст. 1084 ГК возмещается и при отсутствии вины. Но специальных по отношению к правовой норме, установленной ст. 1084 ГК, как общей, правовых норм, которые предусматривали бы возмещение вреда жизни или здоровью независимо от вины причинителя вреда, нет. В этой связи возникает вопрос о соотношении ст. 1084 ГК с законодательным положением, предусматривающим возмещение вреда независимо от вины.

Возмещение вреда независимо от вины предусмотрено ст. 1070 ГК и ст. 1079 ГК. Сфера действия указанных правовых норм, устанавливающих безвиновную ответственность за причиненный вред с одной стороны, и правовой нормой, текстуально закрепленной в ст. 1084 ГК, – с другой, частично совпадают. Поэтому коллизии между ними не могут разрешаться по правилу «*lex specialis derogat generali*». В то же время указанные правовые нормы являются несовместимыми: правовые нормы, установленные ст. 1070 и 1079 ГК, предусматривают возмещение вреда независимо от вины, а ст. 1084 ГК с учетом п. 2 ст. 1064 ГК предусматривает возмещение вреда при условии вины причинителя вреда. Но одновременно с основным правилом п. 2 ст. 1064 ГК, закрепляющем принцип вины, к отношениям, регулируемым ст. 1084 ГК, применяется и исключение, которое допускает возникновение обязательств вследствие причинения вреда и при отсутствии вины причинителя вреда. Следовательно, вместе со ст. 1084 ГК применению подлежит и п. 2 ст. 1064 ГК, закрепляющий принцип вины и устанавливающий исключение из этого принципа. А вместе со ст. 1084 ГК применяются и ст. 1070 и 1079 ГК, устанавливающие случаи безвиновной ответственности.

Изложенное показывает важность применения для разрешения коллизий между общими и специальными нормами о возмещении вреда научно обоснованного инструментария и может служить обоснованием необходимости внесения изменений в положения гражданского законодательства, распространяющегося на отношения по поводу возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина.

Список литературы:

1. Васильковский, Е. В. Цивилистическая методология / Е. В. Васильковский. – Санкт-Петербург: Лань, [б. г.]. – Часть 1 : Учение о толковании и применении гражданских законов. – 2013. – 398 с. — ISBN 978-5-507-31528-4. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/30499>.
2. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. – М.: Статут, 2011. - 510 с.
3. Васев И.Н. Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и практики : учебное пособие. — М.: Проспект, 192 с.
4. Власенко, Н. А. Коллизионные нормы в советском праве : монография / Н. А. Власенко. – репр. изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 100 с. - ISBN 978-5-91768-861-9. – Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1091573>.
5. Черданцев А.Ф. Толкование права и закона. М., 2003. – 378 с. Источник: <https://booksee.org/book/529366>

6. Обязательственное и договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского Кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Г. Карапетова. – М.: Статут, 2017. — 1120 с.
7. Малышкин А.В. Интегрированные судебные акты: общетеоретический анализ: Монография. Владимир: ВИТ-принт, 2012. - 211 с.
8. Новейшее учение о толковании права / Под ред. В.Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.
9. Трофимов С.В. О некоторых аспектах гражданско-правовой ответственности вследствие причинения вреда при эксплуатации транспорта // СПС «КонсультантПлюс».

Plieva N. Conflicts between general and specific compatible legal rules governing relations regarding compensation for the harm // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 259-269.

The article presents the results of the study of the problem of the correlation of general and special legal norms of the institution of obligations due to harm. The author attempts to show the possibility of using methodological tools to resolve conflicts between the general legal norm established by paragraph 1 of Article 1064 of the Civil Code of the Russian Federation, which provides for compensation for the harm in full, and special legal norms in relation to the general one. Based on the results of the analysis, a method is proposed to resolve the conflict existing between the general legal norm established by Article 1064 of the Civil Code, on the one hand, and the special legal norms established by Articles 1085 and 1087 of the Civil Code, on the other, in favor of the general legal norm providing for full compensation for harm. In the same way, it is proposed to resolve conflicts between the specified general legal norm and special legal norms, textually fixed in Articles 1084 and 1094 of the Civil Code. The author confirms the theoretical conclusions by analyzing court decisions on the relevant categories of disputes.

Keywords: compensation for harm, conflicts, legal interpretation, law enforcement, general legal norms, special legal norms, compatible legal norms, incompatible legal norms.

Spisok literatury:

1. Vas'kovskij, E. V. Civilisticheskaya metodologiya / E. V. Vas'kovskij. — Sankt-Peterburg: Lan', [b. g.]. – CHast' 1 : Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakonov. – 2013. – 398 s. – ISBN 978-5-507-31528-4. – Tekst : elektronnyj // Lan' : elektronno-bibliotchnaya sistema. – URL: <https://e.lanbook.com/book/30499>.
2. Savin'i F.K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava. – М.: Statut, 2011. - 510 s.
3. Vasev I.N. Kollizionnoe pravovoe regulirovanie v Rossii: voprosy teorii i praktiki : uchebnoe posobie. – М.: Prospekt, 192 s.
4. Vlasenko, N. A. Kollizionnye normy v sovetskom prave : monografiya / N. A. Vlasenko. – repr. izd. – Moskva : Norma : INFRA-M, 2020. – 100 s. - ISBN 978-5-91768-861-9. – Tekst : elektronnyj. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1091573>.
5. CHerdancev A.F. Tolkovanie prava i zakona. М., 2003. – 378 s. Istochnik: <https://booksee.org/book/529366>
6. Obyazatel'stvennoe i dogovornoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 307-453 Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federacii / Pod red. A.G. Karapetova. – М.: Statut, 2017. – 1120 s.
7. Malyshkin A.V. Integrirovannye sudebnye акты: obshcheteoreticheskij analiz: Monografiya. Vladimir: VIT-print, 2012.- 211 s.
8. Novejshee uchenie o tolkovanii prava / Pod red. V.G. Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
9. Trofimov S.V. O nekotoryh aspektah grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti vsledstvie prichineniya vreda pri ekspluatatsii transporta // SPS «Konsul'tantPlyus».